

Отзыв члена диссертационного совета на диссертацию Касаткина Константина Александровича «Опыт словоистолкователя Оттоманской империи...» И. П. Липранди и образ Османской империи в российском нарративе первой-третьей четверти XIX в.», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Диссертация К. А. Касаткина относится к области, которая на протяжении десятилетий неоднократно привлекала внимание исследователей—восприятие Балкан русскими путешественниками и создание образа региона в русской общественно-политической мысли. Настоящее исследование показывает, что данная тема далеко не исчерпана: напротив, перед историками и филологами открываются новые стороны уже известной картины и новые горизонты для изучения.

Работа, написанная на 233 страницах, состоит из введения, трех глав, разбитых на параграфы, заключения и списка источников и литературы. Во введении автор традиционно определяет объект, предмет исследования и представляет те задачи, которые он перед собой ставит. Основой работы стал анализ «Опыта словоистолкователя Оттоманской империи», который был окончен в 1836 г.; привлекает К. А. Касаткин и другие труды Липранди, сохранившиеся в его архиве. Здесь же диссертант проводит обзор существующей библиографии по теме исследования.

В первой главе диссертации излагаются политические и культурные обстоятельства возникновения «Опыта словоистолкователя». Большое внимание уделяет автор понятиям «своего» и «чужого» и месту Балкан в картине русского и отчасти западноевропейского ориентализма первой половины XIX в. Приводя слова Э. Саида о «колониальном стиле» в восприятии и изображении Востока в европейской традиции, К. А. Касаткин утверждает, что применительно к Балканам ни XVIII, ни первой половины XIX в. нельзя говорить о колониальных практиках (с. 27). Участие Липранди в нескольких военных кампаниях, служба в военной разведке дали ему возможность, выполняя различные поручения, делать наблюдения над повседневной жизнью и этнографией балканских народов. Липранди собирал сведения о жителях Бессарабии под руководством П. Д. Киселева и новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова. Особенно близкое знакомство с балканскими славянами состоялось во время русско-турецкой войны 1828-29 гг., когда он был назначен главой заграничной тайной полиции. При составлении словаря Липранди вдохновлялся образцами французского Просвещения—энциклопедией Дидро и Д'Аламбера. Он широко использовал самые разнообразные источники—сведения из доступных ему книг, устные рассказы респондентов на Балканах. Отношение к источникам у него было некритическое, а труд его носил компилятивный характер. Тем не менее, полученные данные он считал необходимым проверять на месте, что придает его трудам оригинальность. Анализируются в диссертации и труды Липранди, написанные им во время и после Крымской войны: секретная записка «Болгария» (1854 г.) и статья «Восточный вопрос и Болгария» (1867 г.).

Вторая половина диссертации К. А. Касаткина посвящена анализу образа балканских народов у Липранди и его друга, А. Ф. Вельтмана. Болгары и сербы у обоих представлены сквозь призму внешнеполитических задач России на Балканах. В 1830-1840-е годы, российская внешняя политика была нацелена на сохранение неприкосновенности

Османской империи, южные славяне, и в частности болгары, описываются Липранди как дикий восточный народ азиатского происхождения, османские подданные, которые никоим образом не могут быть поставлены в один ряд с просвещенными европейскими нациями. Этой же концепции подчинены исторические экскурсы этих лет.

Совсем иную картину мы видим в текстах, вышедших из-под пера Липранди после 1850-х годов. Крымская война в корне изменила характер русской политики на Балканах. Теперь официальной идеологией становится имперский панславизм, и поддержка единокровных и единоверных братьев, в первую очередь болгар, была основой политики Александра II. Липранди также видит в этих братьях не непросвещенное варварское племя, а народ, родственный русским и являющийся носителем европейской цивилизации. «Кипчакское» прошлое болгар теперь полностью опущено, и историю болгар Липранди ведет от христианских царств Средневековья. Изменена и терминология: слово «хан» везде заменено на «царь», вместо «бугар» используется «Болгария». Политическое обоснование имела и презентация Липранди Сербии в 1850-60-е годы. Проавстрийская ориентация Александра Карагеоргиевича явилась поводом к созданию негативного образа Сербии: сербы, по его словам, не смогли избавиться от азиатских черт своего национального характера и оказались невосприимчивы к достижениям западных стран.

Большое внимание уделяет К. А. Касаткин тому месту, которое занимали Балканы в сочинениях русских и европейских авторов XIX в. Эти представления, которые эволюционировали в зависимости от политической ситуации и государства, к которому принадлежал тот или иной писатель, неизменно исходили из аксиомы превосходства европейской цивилизации над азиатской. Оставался вопрос, кто именно будет носителем благ западной цивилизации—Австрия, другие европейские державы, или Россия? Для русских авторов, особенно после Крымской войны, когда заново переосмысливаются истоки и место российской государственности, важным было показать, во-первых, пограничное положение восточноевропейской цивилизации (к которой теперь заодно с Россией относились и южные славяне) между Западом и Востоком, и во-вторых, исключительное призвание России нести свет европейского просвещения балканским народам.

Закономерно важное место в диссертации занимает географический аспект: ведь авторы XIX в. отнюдь не были едины ни в том, где начертать границу между Азией и Европой, ни в границах проживания балканских народов. Последние границы было и вовсе трудно обозначить, так как славянские народы в условиях единой Османской империи плавно переходили из одного диалекта в другой. Потребовалось не одно десятилетие упорной работы политических агитаторов, чтобы объяснить жителям, к какому же именно народу они принадлежат. Как мы видим из текста диссертации, взгляды Липранди на карту расселения болгар тоже менялись.

Для обоснования своей концепции Липранди заимствует сведения псевдоисторического характера у своего товарища и давнего знакомого писателя А. Ф. Вельтмана. Как убедительно показано страницах диссертации, в период 1860-1870-х годов труды Липранди служат к созданию славянского мифа и идей славянского единства, которые будут занимать умы политиков и историософов до середины XX в.

В целом диссертационное исследование К. А. Касаткина производит весьма благоприятное впечатление. Автор досконально проработал архивные и опубликованные материалы И. П. Липранди, а также обширную библиографию по теме работы. Особенно тщательному анализу он подверг свой главный источник—«Опыт словоистолкователя»—текст, который до К. А. Касаткина так внимательно никем не изучался; здесь, к чести диссертанта, им сделано немало тонких наблюдений и подлинных открытий. В этом смысле диссертация носит более историографический, нежели чисто исторический характер. Очевидный перевес в пользу историографии и источниковедения ощущается также в привлечении художественных сочинений А. Ф. Вельтмана и многочисленных параллелях литературного характера. Сам Липранди литератором не был; до 1830-х годов он состоял на военной службе, и его тексты представляют собой служебные записки. Это не помешало ему, как и некоторым другим современникам, увлечься фантастическими политическими идеями и историческими реконструкциями и, более того, с удивительной гибкостью менять свою концепцию в зависимости от политики государства.

Теоретическая сторона исследования К. А. Касаткина представляется весьма серьезной, глубоко продуманной и обоснованной. Автор использует различные исследования, в которых рассматривается создание образа «другого» и образа Балкан и ее народов и сам анализирует в этом ключе свои источники. Читатель невольно ожидает страниц, где будет так же внимательно рассмотрен вопрос национализма на Балканах. Продукт германской идеи нации эпохи романтизма, национализм был принесен на Балканы в 1930-е годы, нашел благоприятную почву в поднимающемся самосознании славянских народов. Из зачаточного состояния протонационализма за два десятилетия он достиг чрезвычайного развития к концу 1850-х гг. и стал основным двигателем борьбы за создание независимых государств в регионе. Эта проблема, которой посвящено огромное количество литературы, практически осталась за пределами диссертации. Известный труд Ю. Венелина, который стал катехизисом болгарского национального движения, совершенно справедливо удостоился специального внимания К. А. Касаткина. Здесь было бы интересно проследить процесс «импортирования» славянской идеи и национализма из России на Балканы, быстрое развитие в условиях Танзимата в Османской империи, соединение с борьбой за церковную независимость а также то, как русская дипломатия использовала славянскую идею для достижения конкретных целей. Болгарский церковный вопрос, центральный для истории балканских славян в 1860-70-е годы, упомянут в диссертации лишь вскользь.

При чтении диссертации невольно напрашивается еще один вопрос: насколько труды Липранди находили практическое применение в российском МИД в 1860-70-е годы? Ответ, по-видимому, следует искать в архиве внешней политики. Здесь встает еще один вопрос, ответ на который, по-видимому, следует искать в риторике дипломатических донесений и публицистике: как примиряла и сочетала русская политика на Балканах универсалистскую идею общеславянского единства во главе с Россией с проявлениями балканского, хотя и славянского, национализма и сепаратизма.

В диссертации широко используются записи путешественников, которые посещали Балканы в первой половине XIX в. (В. Б. Броневский, А. И. Тургенев, В. Г. Григорович, А. Г. Краснокутский, Ю. И. Венелин и др.). Среди них были дипломаты, военные, ученые,

паломники. Было бы интересно сравнить их записи, да и тексты самого Липранди, с описаниями западноевропейских современников—Покока, Шатобриана, Ламартина. Читали ли русские путешественники эти описания, оказали ли они влияние на восприятие русскими Востока, или авторы записывали только свои личные впечатления? Об этом автор диссертации упоминает, не вдаваясь в подробности и сравнивательный анализ текстов (с. 141). Известно, что как западные, так и русские путешественники середины XIX в. (например, А. С. Норов) тщательно готовились к своим вояжам по книгам античных авторов и смотрели на Балканы глазами, например, Страбона. А путешествовавший по Египту через 15 лет после Норова Антонин Капустин не выпускал из рук книгу своего предшественника. Античные мотивы, как мы видим из текста диссертации, занимали воображение Теплякова. Интересное преломление античности, как показывает диссертант, просматривается у Тургенева и Броневского, которые хотели видеть в славянах спартанцев и других греков. Прослеживается ли подобная линия у Липранди и какую роль играло его образование в его восприятии Балкан? Контраст между Балканами воображаемыми, книжными, и Балканами реальными поражал прибывших европейцев, в том числе европейски образованных русских. Вспоминаются впечатления молодого секретаря русской миссии Д. В. Поленова, который в 1835 г. писал своим родителям, что грекам «более нравятся их нечесаные и босые священники в запачканных и изорванных одеяниях, нежели пристойная одежда наших; также носовое дикозвучное их пение они, вероятно, предпочитают стройности нашего, называя, может быть, все наше великолепие ересью».¹

Автор неоднократно и подробно останавливается на влиянии энциклопедий французского Просвещения на создание «Опыта словоистолкователя». Не отрицая этого утверждения, позволим себе предположить гораздо большее влияние здесь идей европейского века романтизма XIX в., которые явились истоками и русского славянофильства, и дальнейшего его развития в разные виды славянской идеи уже на политической почве.

В диссертации закономерно затрагивается глобальный для политики XIX в. восточный вопрос. Этот термин вошел в название одного из трудов Липранди, и он неоднократно к нему возвращается. Читателю диссертации, на наш взгляд, не хватает здесь более широкого исторического фона, который помог бы не просто реконструировать систему взглядов Липранди, но и поместить его тексты в контекст эпохи с ее международными конфликтами. Точно так же при изложении взглядов Липранди на необходимость реформ в Османской Турции напрашивается соотнесение этих идей с реформами в Турции, которые начались как раз в конце 1830-х годов и продолжались в течение нескольких десятилетий; речь идет о периоде Танзимата.

Некоторое недоумение вызывает категоричное заявление диссертанта о том, что термин «Европейская Турция» выходит из употребления в 1850-е годы (с. 98) и вовсе исчезает как объект изучения в начале 1880-х годов (с. 7). Хотя на страницах работы приводятся и конкретные доказательства, основанные на текстах, тем не менее, нам представляется

¹ Письмо от 13 апреля 1835 г. (Из писем Д. В. Поленова во время поездки его в Грецию и службы при тамошнем посольстве. 1832–1835 //Русский архив. 1885. Т. 3. С. 135)

возможным говорить все-таки лишь о тенденции к замене понятия «Европейская Турция» на «Балканский полуостров». Ведь значительная часть Балкан оставалась под османским владычеством вплоть до 1912 г., и фигурировала в документах именно как «Европейская Турция», в отличие от свободных Сербии, Черногории и Болгарии.

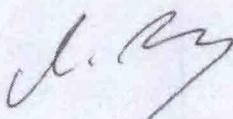
Так же некоторые сомнения вызывает утверждение, что в глазах Липранди «За 30 лет Балканский полуостров превратился в неотъемлемую часть идеальной России» (с. 196). Южнославянское единое государство, или конфедерация, на создание которой русская политика употребила не одно десятилетие, все-таки никогда не мыслилась как неотъемлемая часть России. Имперский панславизм, которому посвящена вся третья глава диссертации, не был нацелен на включение территорий, заселенных балканскими славянами в Российскую империю, но был универсалистской идеей создания содружества православных славянских государств во главе с Россией по византийской модели.

Диссертация написана хорошим литературным языком, логично и четко. Тем не менее, она не свободна от некоторых стилистических погрешностей. Например: с. 51 «Отставной жаловался П. Д. Киселеву» (с. 51), мн.ч. «договора» (с. 185), «трудно не догадаться» (с. 188). Режет слух распространенное, но, на наш взгляд, не очень удачное слово «просвещенческий». Статья «Восточный вопрос и Болгария» на с. 99 датируется 1867 г., а на с. 118 -- 1868 г. Указанные замечания нисколько не снижают общей высокой оценки работы и носят рекомендательный характер.

Диссертация Касаткина Константина Александровича на тему: «Опыт словоистолкователя Оттоманской империи...» И. П. Липранди и образ Османской империи в российском нарративе первой-третьей четверти XIX в.» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Касаткин Константин Александрович заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по научной специальности 5.6.2. Всеобщая история. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не обнаружены.

Член диссертационного совета

Ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук

Герд Лора Александровна

